

Отец Андрей Колесников

Я СКАЗАЛ ИМ, ЧТО ЕСЛИ ОНИ НЕ ПРЕКРАТЯТ ВЫВОДИТЬ МЕНЯ ИЗ СЕБЯ, ТО Я ИХ ВЫСАЖУ ИЗ МАШИНЫ. И МАША СКАЗАЛА, ЧТО ОНИ НЕ ПРЕКРАТЯТ

— ПАПА, — спросил меня Ваня, — а правда, что была «Ночь музеев», когда можно было бесплатно зайти в любой музей?

Я подтвердил.

— А зачем это? — поинтересовался Ваня.

— Как зачем? Чтобы привлечь падающий у людей интерес к музеям, — разъяснил я.

— Но это же бессмысленно, — сказал Ваня. — Надо тогда делать «Год музеев». Один год музеи платные, один — бесплатные. Чтобы привлечь внимание не на одну ночь, а на один год.

Я согласился. Другого способа привлечь интерес граждан к музеям и в самом деле, похоже, нет.

Между тем личный интерес Маши и Вани полностью сосредоточен на предстоящем отъезде. Школа и детский сад заканчиваются (причем детский сад у Вани — навсегда). Они уезжают, как и в прошлом году, в Грецию — с классом. И вот я думаю: страшно ли мне отпускать маленьких детей на море? Я их все равно отпускаю, но я же имею право подумать, страшно ли мне.

Да, мне страшно. Я у нотариуса делал доверенность, по которой перепоручал детей завучу. И мне, когда я ее читал, стало страшно. Там написано, что я отдаю их в полное распоряжение такой-то... В полное. На три недели — человеку, которого, конечно, знаю, но это же все равно страшно.

Да, есть страхи, с которыми ты живешь всю жизнь. А есть страхи на три недели. И я понимаю, что с этим страхом тоже буду как-то жить, потому что слишком уж счастливыми они вернулись в прошлый раз оттуда. И до сих пор Ваня взахлеб рассказывает мне про какой-то паром, которого он не видел никогда в жизни, про то, как он с Сашей и Димой сражался за право первым принять утром душ и как побеждал... Я по себе знаю, что это все то, чего он не забудет уже никогда в жизни.

И я пытаюсь себя успокоить тем, что с ними же едет много взрослых, которые будут за ними смотреть день и ночь — ну, или хотя бы пока Маша с Ваней не заснут. Ну, относительно много взрослых. На самом деле не так уж много...

В общем, эти аргументы, которые я сам себе стараюсь привести, могут привести к тому, что я заберу доверенность, — и они просят

все лето дома. А этого не должно случиться. И тогда я спрашиваю Ваню:

— Расскажи мне, что-нибудь с вами случилось в Греции? Были какие-нибудь происшествия?

Я очень рассчитываю получить ответ, что никаких происшествий, конечно, не было.

— Да, были, — говорит Ваня. — Но слава богу...

Он о чем-то задумывается. Что-то вспоминает.

— Что слава богу? — переспрашиваю я. — Что все хорошо закончилось?

— Нет, не в этом дело, — говорит он. — Слава богу, что только со мной были происшествия.

— Рассказывай, — говорю я. — Все от начала до конца.

И он рассказывает:

— Мы бежали как-то к ресторану. И Вова мне кричит: «Быстрее, Ваня, еще быстрее!» Я еще быстрее побежал. А там был камень больших размеров к земле прикован. И я об него споткнулся. И вот эту коленку разбил. Но она зажила.

— И все? — переспрашиваю я с облегчением, осознавая на ходу, какой же я молодец, что оформил все-таки эту доверенность.

— Нет, конечно, — говорит Ваня. — Один раз мы пошли на дискотеку. Там были Маша, весь Машин класс, Саша и Дима. Я был с Сашей и Димой. Потом Дима пошел в туалет. Его долго не было. Потом Саша пошел за Димой. Я их долго ждал и решил сходить за ними. Пошел, а туалета никакого вообще не нашел. Потом все-таки нашел. Но их там не было. Я проверил все кабинки, их там не было. Там, в туалете, с ним случилось еще одно происшествие. Одного мальчика он все-таки там нашел. Мальчик оказался русским, немного младше Вани. И он, как только увидел Ваню, очень смутился.

— Ты не девочка? — осторожно спросил он у Вани.

Ваня категорически опроверг это предположение.

— Это хорошо, — сказал мальчик. — А то девочкам в мужской туалет нельзя. Моя мама, например, сюда не пошла. Ей запрещено. Она у входа осталась.

— Потом, — рассказывал Ваня, — я решил пойти к нам в номер. Я подумал, что они ушли туда. Я долго шел, потому что решил пойти коротким путем, чтобы срезать, а там оказался забор, и я уже не стал перелезать. Так что я не

много запутался, потому что была ночь.

Я с содроганием слушал эту историю. Я представлял себе эту ночь и этот забор, в который уткнулся мальчик, не знающий, куда ему дальше идти. Более того, я вспомнил, как однажды я решил наказать детей, которые отказались выполнять мои распоряжения. Это было за городом и тоже когда стемнело. Мы ехали в машине, и я сказал им, что если они не прекратят выводить меня из себя, то я их высажу из машины. И Маша сказала, что они не прекратят.

Она не оставила мне никакого выбора. Я вышел из машины, открыл дверцу и попросил их выйти. Они вышли и остались стоять на обочине дороги. Я сел в машину и проехал несколько метров. Может, пятнадцать. Когда я вернулся к ним задним ходом, они стояли на том же месте и в тех же самых позах, в которых я их оставил.

— Папа, — сказал Ваня, когда мы уже доехали до дома, — а мы бы все равно дошли.

— Как бы вы дошли? — поинтересовался я.

— По звездам, — пожал он плечами. — Я бы Машу довел.

А еще позже, уже через пару месяцев, он сказал мне, что никогда в жизни ему не было так страшно. Я понял, что я подонок.

И вот теперь я представлял себе Ваню такой же ночью, перед забором...

— Пришлось вернуться на ту дорогу, которой мы всегда ходили на дискотеку, — продолжил Ваня. — И я пришел в свой номер. Там не было ни Димы, ни Саши. Был только Николай Иванович. Он поставил мне фильм «Трансформеры», чтобы я не скучал. А Маша рассказывала, что в это время на дискотеке уже пять раз объявили: «Ваня Колесников, срочно выйди на сцену!» А я не мог этого слышать. И учительница так испугалась, что когда прибежала в гостиницу и увидела, что я смотрю «Трансформеры», то она меня даже не ругала.

Я выдохнул. И я понял, что все-таки это хорошая, жизнеутверждающая история — с Николаем Ивановичем, который дежурит в гостинице, с учительницей, которая дежурит на дискотеке... И я подумал, что все-таки не зря я дал доверенность.

И только потом меня пронзила мысль: а Саша-то с Димой куда делись?